

О РОЛИ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА РАННИХ ЭТАПАХ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Риер Яков Григорьевич

профессор кафедры истории и философии учреждения
образования «Могилевский государственный университет
имени А. А. Кулешова»,
доктор исторических наук, профессор
(г. Могилев, Республика Беларусь)

*Рассматриваются природные факторы, способствовавшие фор-
мированию ранних земледельческих цивилизаций, и роль кочевников в*

их истории. Указывается, что кочевники в силу особенностей их существования в малоплодородных степях не развились в полноценные государства, но сдерживали развитие земледельческих сообществ.

Многочратно доказано тормозящее влияние экстремальных природных факторов, которые наиболее ярко проявляются в экваториальных и полярных зонах земного шара. В обоих случаях и жара с буйной растительностью джунглей, и полярный холод заставляли проживавших в этих условиях людей тратить все имевшиеся у них ресурсы на борьбу за существование. Там же, где изначально географические условия были к людям максимально лояльны, как, например, в тихоокеанской Полинезии, где потребности для существования удовлетворялись минимальными усилиями, там общество не получало стимулов к совершенствованию и, следовательно, к развитию. В результате в обеих зонах в условиях наиболее благоприятной и наиболее агрессивной природной среды человеческие сообщества без внешнего воздействия не выходили за рамки первобытности.

Более пригодной для прогресса оказалась полоса северного полушария Евразии между 42° северной широты и Северным тропиком. Там и сложились все древние цивилизации. Мягкий субтропический климат не требовал от населения значительных затрат на обогрев и позволял круглый год добывать продукты питания. Полноводные реки Нил, Тигр и Евфрат, Инд и Ганг, Янцзы и Хуанхэ обеспечивали необходимый для земледелия водный режим и обновляемые плодородные почвы.

Все это позволило древнейшим земледельцам указанных территорий уже в III–II тыс. до н.э. выйти на такой уровень обеспечения основных жизненных потребностей, который предоставил им возможность освободить от повседневного рутинного труда небольшую часть соплеменников для организационно-управленческих функций. Прежде всего такое освобождение коснулось лидеров (старейшин, вождей) и их окружения, из которого стала формироваться *знать*.

Складывалось специфическое разделение труда: от основной массы населения отделялись правящие верхи. Происходило это там, где природные условия благоприятствовали не только успешному хозяйствованию, но и концентрации населения. Более плотное население на ограниченной территории на раннем этапе истории обеспечивало необходимые ресурсы как для хозяйственной деятельности – земледелия, строительного дела, в том числе ирригации, – так и для выполнения военных и административных функций.

Как видно, в основе прогресса региона лежала благоприятная географическая среда. Но она же в дальнейшем затормозила его развитие. Дело в том, что по соседству с высокоразвитыми земледельческими цивилизациями располагались обширные территории, пригодные лишь для примитивного первобытного присваивающего хозяйства. Это примыкавшие к вышеозначенным речным долинам степи и полупустыни, на просторах которых активное земледелие было невозможно из-за недостатка влаги и быстрого истощения почв при их обработке.

В таких условиях основным способом существования оставалось скотоводство, причем кочевое. Ибо растительность пастбищ восстанавливалась медленно, и вслед за поиском корма для скота перемещались его владельцы, не появлялся избыточный продукт, не возникала необходимая для интенсивного развития концентрация населения. Как следствие – затруднялась консолидация знати – ключевого элемента для перехода от первобытности к цивилизации. Лишь контакты с более развитыми земледельцами способствовали некоторому общественному прогрессу у кочевников. Но это происходило много позднее, уже в средневековую эпоху. Пока же кочевники восполняли свои потребности в продуктах ремесла и земледелия набегами на более развитые цивилизации.

Набеги эти были критично опасны для земледельцев из-за уязвимости последних. В отличие от кочевников, у которых не было стабильных баз, ресурсы оседлого населения отличались доступностью. Их оборона лишала земледельцев столь необходимой в военных конфликтах мобильности, которая и была основным преимуществом кочевников. К тому же защита инфраструктуры (прежде всего поселений и ирригационных сооружений) требовала и существенных затрат на сооруже-

ние укреплений (как наиболее яркий пример вспомним Великую Китайскую стену, которая, кстати, кочевниками довольно успешно преодолевалась). Хотя и земледельческие народы не отличались особой гуманностью в войнах, но кочевники выделялись особой жестокостью. Очевидно, это вытекало из более низкого уровня их общей культуры, не обогащенной знаниями и нормами, свойственными оседлым мирам. Численно уступая земледельцам, кочевники практиковали массовый террор, не заботясь о сохранении ресурсов, которыми могли бы воспользоваться в дальнейшем. А затем занимались вымогательством. В боевом же искусстве, особенно в мобильности, кочевники превосходили оседлое население [1, с. 8–13].

Еще более значительные расходы вызвала необходимость восстановления разрушаемого кочевниками. Прежде всего это относилось к ирригационным системам. Их роль следует выделить особо, ибо без них нельзя было преодолеть основной недостаток столь благоприятных для земледелия субтропических долин – неравномерное распределение влаги по временам года. Все основные и системообразующие реки указанных территорий имеют ледниковое происхождение и разливаются во время их максимального таяния, то есть летом, в наиболее важный период вегетации растений. Но южная жара ведет к быстрому испарению влаги, и в остальные сезоны указанные регионы страдают уже от нехватки воды. Успешное развитие всех древних земледельческих обществ было обеспечено изобретением и возведением сложных ирригационных сооружений, охранявших от затопления угодья во время паводков и сохранявших влагу в засушливое время. Все это, как и оборона от нападений, требовало не только больших затрат, но и весьма сложной организации строительных работ, которые в то доиндустриальное время были возможны лишь за счет привлечения огромных масс работников. В таких условиях существенно возрастала норма эксплуатации трудового населения [2, с. 103; 3, с. 65].

Проблемой ранних земледельческих сообществ было и отсутствие экологического опыта при их сильной зависимости от географической среды. Так, например, в долине Хуанхэ, когда теплый климат II тыс. до н.э. сменился похолоданием с начала I тыс., разросшееся за благоприятное время население для удовлетворения потребностей в продуктах питания существенно расширило посевные площади за счет пастбищ и лесов. В итоге оголившиеся возвышенности перестали удерживать необходимую влагу, а животный мир сократился. Следствием стало и сокращение продовольственной базы для населения, что послужило толчком к конфликтам за угодья с соседями [4, с. 23–48].

Так, ирригация, потребности как защиты от нападений, так и дополнительного «жизненного пространства» потребовали объединения и оказывались под силу лишь тем обществам, в которых формировалась сильная централизованная власть. Консолидация ресурсов подчиняла малые хозяйства общей дисциплине. В таких условиях не только труд организовывался внешними силами – общей властью, но и источник существования – земля – оказывалась общим достоянием. При ирригации невозможно было ее индивидуально обслуживать. Общим же достоянием могла управлять лишь надобщинная, и даже надплеменная власть. Поскольку же, как отмечалось, она должна была быть централизованной – возникли монархии. А так как правители оказывались фактическими хозяевами основного жизненного ресурса – земли, они превращались в неограниченных властителей – **деспотов**. Таким образом, **соседство с агрессивными кочевыми миром ускорило консолидацию земледельцев и формирование у них централизованных государств**.

Иные формы правления, основанные на таких первобытных традициях, как общинные собрания с правом участия в управлении всех взрослых полноправных мужчин данного коллектива (рода, общины, племени), сохранялись в удаленных от активной жизни, изолированных горных анклавах. Изначально – у тех же кочевников, а также в торговых центрах, возникавших на путях сообщений, чаще в удобных приморских бухтах. Но эти торговые центры, специфические города-государства с коллективной формой правления на Востоке обычно поглощались более мощными соседними монархиями.

У кочевников в процессе военных столкновений с земледельческими обществами и по мере накопления внутренних богатств также формировалась деспотическая власть военачаль-

ников. Поэтому некоторые кочевые сообщества, как, например созданные монголами в средние века, порой относят к государствам. А учитывая их сложную внутреннюю организацию, называют империями, что как будто свидетельствует о дискуссионности проблемы государственности номадов [5, с. 193; 6, с. 512; 7]. Но если историю тогдашних монголов сопоставить с историей ранних венгров и болгар, становится понятно, что государства у них появлялись лишь при переходе к оседлости или при устойчивой эксплуатации земледельческих территорий.

Тем не менее в литературе иногда можно встретить упоминания о «государствах кочевников». Например, о *государстве гуннов*, проникших в Европу в IV в. н.э. [8]. Но быстрый и практически бесследный распад их объединения уже в середине V в. продемонстрировал его **негосударственный характер**. Это было вожделение, не имевшее четких границ и опиравшееся на грабеж оседлого населения. Назвать его государством можно лишь из-за терминологической неаккуратности. Память в Европе гунны оставили лишь тем, что непривычной для тогдашних европейцев свирепостью вызвали массовые перемещения варваров, названное Великим переселением народов в IV–V вв. н.э.

Список использованной литературы

1. Крадин, Н. Н. Кочевники и земледельческий мир: хуннская модель в исторической перспективе / Н. Н. Крадин // Восток. – 2000. – № 3. – С. 5–16.
2. Риер, Я. Г. Цивилизации средневековья и начала нового времени: опыт структурного анализа : монография / Я. Г. Риер. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2003. – 154 с.
3. Мельянцева, В. А. Восток и Запад во II-м тысячелетии: экономика, история и современность / В. А. Мельянцева. – М. : Изд-во МГУ, 1996. – 304 с.
4. Кульпин, Э. С. Восток. Человек и природа на Дальнем Востоке / Э. С. Кульпин // Социальноестественная история. – Вып. XII. – М., 1999.
5. Крадин, Н. Н. Политическая антропология / Н. Н. Крадин. – М. : Логос, 2004. – 270 с.
6. Скрынникова, Т. Д. Кочевники, мир-империи и социальная эволюция / Т. Д. Скрынникова // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. – Волгоград, 2006. – С. 512–522.
7. Хазанов, А. М. Кочевники евразийских степей в исторической ретроспективе / А. М. Хазанов. Раннее государство, его альтернативы и аналоги. – Волгоград, 2006. – С. 468–489.
8. Григорьев, В. В. Трансформация этнического и политического пространства Европы в IV–VI вв. н.э. под влиянием гуннов / В. В. Григорьев // Автореф. дисс. канд. ист. наук. – Мн., 2014.